

Киннама и Никиты Хониата.³⁷ Хотя эти авторы скупы на описания, но они все же сообщают, например, что во Влахернском дворце Комнинов на стенах были длинные ряды изображений, в которых прославлялись подвиги и правление царствующих государей. Изображались победы на войне и празднование этих побед императором, а также его героические подвиги на охоте, различные эпизоды которой проходили перед глазами посетителей дворца. Тема государя — бесстрашного охотника была издавна традиционной в дворцовом искусстве разных монархий древности, и византийские хроники не раз упоминают об «охотничьих подвигах» разных императоров, особенно Василия I Македонянина и Мануила I Комнина. Иллюстрации хроники Скилицы (в Национальной библиотеке Мадрида) изображают некоторые из этих легендарных охотничьих приключений Василия I, и очень вероятно, что стенопись и мозаика во Влахернском дворце Комнинов вдохновлялись теми же сюжетами, описываемыми, как император-герой побеждает какого-нибудь сверхъестественно большого, дикого волка или кабана. В описании фресок или мозаик дворца, который Андроник I Комнин в годы, близкие к дате владимирских рельефов, построил возле церкви Сорока Мучеников в Константинополе, Никита Хониат перечисляет конские ристалища, различные эпизоды охоты самого императора на птицу, зайца и оленя, сцену с кабаном, которого Андроник пронзил копьем, другую сцену с раненым зубром (во время пребывания Андроника в России) и, наконец, описывает картину, в которой можно было видеть государя, собственноручно разрезающего добычу и жарящего мясо.³⁸ За исключением последней сцены, которая стоит особняком, нетрудно заметить общее сходство других эпизодов охоты византийских императоров с некоторыми сценами на рельефах Димитриевской церкви во Владимире, например с теми, где показаны необыкновенные охотники в военных доспехах (нормальных для василевса, но не для других охотников) в схватке с чудовищным зверем. На одной из них этот зверь поднялся во весь рост на задние лапы. На другой героический охотник набрасывается на него сверху. Изображен его прыжок над зверем, и передана его богатырская сила.³⁹ Мы, конечно, далеки от того, чтобы принимать эти сближения за доказательства. Но если пока дальше идти не следует, за отсутствием данных, не мешает напомнить, что типологическое истолкование византийских легенд о героической охоте императоров могло дать формы, близкие к тем, которые мы находим во Владимире. Авторы этих рельефов могли при этом воспроизводить такого рода изображения как мотивы, не зная, какому историческому персонажу они первоначально были посвящены. Это так же верно для иконографии эпических мотивов, как и для литературного эпоса, где из исторического эпизода вырабатывается поэтический образ.

³⁷ Eustathii Thessalonicensis. Oratio ad Manuelem imperatorem. — In: *Fontes rerum byzantinorum*, ed. W. Regel. Petropoli—Venedicta—Lipsiae, 1892, стр. 40; *Nicetae Choniatae, Historia, De Manuele Comneno*, Lib. VII, стр. 269; *J. Cinnamus. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum*, IV. Bonnae, 1836, стр. 266—267.

³⁸ Очень возможно, что эти последние сцены были сконструированы специально для автобиографического цикла, заказанного Андроником I. Но нам известно, с другой стороны, что некоторые из сюжетов, упомянутых в тексте: животное, раненное охотником; охотники, разрезающие на части убитых животных, — входили иногда в состав кинетических циклов, например в стенописи омайядского дворца Куср-Амра в Сирии (VIII в.).

³⁹ А. А. Бобринский. Резной камень в России, табл. 9. Примером охотника в военных доспехах, изображающего византийского императора, может служить рельеф на шкатулке из слоновой кости в ризнице собора г. Труа (Troyes) в Шампани (А. Грабар. *L'Empereur dans l'art byzantin*, табл. X, 2).